
Ш. А. Богина

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИИ

Этническая история американской нации ставит ряд вопросов, имеющих значение для понимания этнических процессов у других народов. Разнохарактерность истоков этой нации иммигрантов известна. Процессы ассимиляции, которым подвергались и подвергаются ее этнические элементы, чрезвычайно характерны для переселенческих стран. Эти процессы и рассматриваются в настоящей статье, причем основой их, как представляется, следует считать включение иммигрантов в экономическую и социальную структуру принимающей страны. Для его характеристики употреблен термин «структурная ассимиляция». Эта ассимиляция обуславливает все другие виды ассимиляции — культурную, языковую и т. д. — и даже смешанные браки.

Далее рассматриваются также некоторые условия, способствующие и препятствующие ассимиляции. Исчерпывающее освещение всей этой проблемы в одной статье, разумеется, невозможно. Представляется вероятным, что главное условие — позиция принимающего общества: дискриминация со стороны окружающего населения тормозит ассимиляцию иммигрантов, положительное отношение с его стороны стимулирует ее.

* * *

Периодом возникновения американской нации можно считать конец XVIII в., а кульминационным пунктом этого процесса первую американскую революцию — войну за независимость — и образование американского национального государства. Разумеется, предпосылки единой нации — в общественной жизни, в психологии и идеологии — создавались на протяжении ряда предшествовавших десятилетий¹. Но, тогда сформировалось только ядро нации. Дальнейшее ее этническое развитие шло стремительно и неравномерно, причем на каждом этапе оно было подчинено общему социально-экономическому развитию страны и своеобразно переплеталось с ним².

До гражданской войны 1861—1865 гг. страна резко делилась на две части: Север и Юг. В обеих частях страны обитали коренные жители Америки, принадлежавшие к разным индейским народам. Они резко отличались от численно преобладавшего пришлого населения как в этническом, так и в социально-экономическом отношениях, но в некоторой степени с ним смешивались. На Севере и Юге складывались различные, хотя и связанные между собой, хозяйственные системы (по выражению Маркса, «система рабства и система свободного труда»)³,

¹ См. А. В. Ефимов, Очерки истории США, М., 1953, стр. 81—85.

² Общий очерк этнического развития американской нации дан в труде «Народы Америки», т. 1. (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1959.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 15, стр. 355.

различный культурный и бытовой уклад жизни, разное по социальной структуре и этническому составу население.

Север был районом растущего капитализма, почти не отягощенного феодальными пережитками. Население его отличалось этническим разнообразием с самого начала колонизации. Известно, что на территории современных США основали в свое время колонии и Голландия, и Швеция, и Франция, и Испания, и Россия. В каждой колонии селились не только подданные соответствующей метрополии, но и выходцы из других европейских стран. В конце концов англичане возобладали в Америке политически, а также в культурном и этническом отношениях. Соединенные Штаты вышли из войны за независимость англоязычной страной, наследницей английской культуры, которая, впрочем, в американских условиях успела видоизмениться и впитать в себя элементы иных этнических культур.

До завершения наполеоновских войн и последней англо-американской войны эмиграция из Европы в США была относительно слаба. Молодая американская нация успела консолидироваться в своем прежнем этническом составе.

* * *

Со второго десятилетия XIX в. более ста лет Америка принимала все возрастающую массу иммигрантов, преимущественно из Европы. Иммиграция имела колоссальное значение для всего развития США. В непосредственно экономическом смысле она прежде всего дала стране рабочую силу, без которой было бы немыслимо ее быстрое хозяйственное развитие. Иммигранты XIX—XX столетий и их потомки и составляют, собственно говоря, большую часть американского населения. В интересующем же нас здесь смысле иммиграция представляла собою главный механизм этнического складывания американской нации. В разные периоды она вливала в население США массы людей той или иной национальной принадлежности. Взаимодействие этих национальных групп с прежним населением и между собою, судьбы их потомков, их социальная и культурная ассимиляция, физическое смешение разных этнических элементов — в этом основа этнической истории американской нации.

При всем культурном и этническом своеобразии каждой иммигрантской группы и ее судьбы в Америке главное в процессе ассимиляции всех иммигрантов следует искать в их участии в хозяйстве и социальной жизни принявшего их американского общества. Такую ассимиляцию можно было бы назвать структурной. Характер ее определяется главным образом строением и потребностями принимающего общества и только во вторую очередь социальной природой иммигрантов.

На всех этапах истории американской иммиграции большинство переселенцев использовалось в США как рабочее — в промышленности, на транспорте, в строительстве и т. д. При этом их уделом чаще всего бывала работа тяжелая, малоквалифицированная и низкооплачиваемая. Эти черты характерны и для других переселенческих стран.

Значительно меньшая часть иммигрантов уходила в американское сельское хозяйство — приобретала фермы. Наемный труд в сельском хозяйстве Севера применялся относительно мало, и неимущие иммигранты редко могли найти там постоянную работу. На покупку же фермы, даже при относительной дешевизне земли в Америке, нужны были средства, которыми располагало только меньшинство⁴.

⁴ См. Н. Н. Болховитинов, О роли «подвижной границы» в истории США. «Вопросы истории», 1962, № 9, стр. 66—68.

Американское хозяйство нуждалось также в квалифицированных рабочих и технических специалистах, которые переносили в США европейский технический опыт. И этот слой давала ему иммиграция. Такова была отличительная черта английской иммиграции⁵, в значительно меньшей степени — немецкой.

Это подводит нас к другой стороне процесса. С чем приезжали иммигранты в Америку? Вернее, что представляли собой европейские эмигранты? Для полного понимания хода и результатов ассимиляции иммигрантов нужно исследование всего миграционного процесса, начиная с причин и особенностей эмиграции. Это, разумеется, сложная задача, требующая изучения страны эмиграции⁶.

Среди немецких иммигрантов XIX в., особенно уроженцев юго-западной Германии, было немало крестьян и ремесленников из сельских областей, которые, продав на месте свои хозяйства, получали деньги на переезд и на покупку фермы за океаном⁷. Имела такую возможность и часть переселенцев из Скандинавских стран. Завести в Америке ферму — такова была мечта чуть ли не большинства эмигрантов, по крайней мере в XIX в., но осуществилась она лишь для малой их части. Впрочем, и американские рабочие лелеяли ту же мечту (о чем свидетельствуют хотя бы документы ранних рабочих организаций США)⁸. Но лишь немногие смогли ее реализовать. Иммигрантская психология породила, видимо, в литературе ложное мнение, будто иммигранты XIX в. в большинстве стали фермерами, и в ряде общенсторических работ эта версия распространена до сих пор. В действительности же главная экономическая роль иммиграции и тогда заключалась в снабжении капиталистического хозяйства Америки рабочей силой, а большая часть иммигрантов включалась в американский рабочий класс.

В этой общей картине выделяются, однако разнообразные составные части. Одна иммигрантская группа отличалась от другой своим положением в американском обществе, социальным и даже профессиональным. Это зависело главным образом от ее европейского прошлого. Так, часть немцев, как говорилось выше, становилась фермерами. В немецкой группе выделялся также слой квалифицированных рабочих и ремесленников, причем определенных профессий. Нью-Йорк имел, например, многочисленную и организованную группу немецких швейников.

Самой многочисленной иммигрантской группой середины XIX в. были ирландцы. Накануне гражданской войны они вместе с немцами составляли более 70% всех иммигрантов⁹. Разоренные и обнищавшие, бывшие на родине мелкими крестьянами-арендаторами, ирландцы попадали в самые низшие слои американского общества. Землекопы, строители железных дорог, чернорабочие, домашняя прислуга — таковы были ирландские «специальности». Если на иммигрантов вообще американское буржуазное общество глядело сверху вниз, с пренебрежением и даже враждой, то к ирландцам оно относилось с презрением. Этническое начало и объективно и субъективно переплеталось здесь с классовым.

⁵ См. R. T. Berthoff, *British immigrants in industrial America, 1793—1950*, Cambridge, Mass., 1953.

⁶ Весь миграционный цикл изучался в работах, например, M. L. Hansen, *The Atlantic migration*, Cambridge, Mass., 1946; Th. C. Blegen, *Norwegian migration to America*, Northfield, Minnesota, 1931—1940; W. I. Thomas and F. Znaniecki, *The Polish peasant in Europe and America*, v. 1—2, New York, 1927;

⁷ См. M. Walker, *Germany and the emigration, 1816—1885*, Cambridge, Mass., 1964.

⁸ См. Ф. Фонер, *История рабочего движения в США*, т. I, М., 1949, гл. VIII.

⁹ Ш. А. Богина, *Иммиграция в США*, М., 1965, стр. 39.

Ввиду различий в экономической и социальной структуре европейских стран эмиграции и Соединенных Штатов иммигрантам зачастую приходилось менять в Америке не только профессию и занятие, но и классовую принадлежность. Чаще всего европейские крестьяне и мелкие буржуа превращались в наемных рабочих, иногда — европейские рабочие в американских фермеров. Превращения всякого рода происходили с европейскими профессиональными интеллигентами, хотя многие из них продолжали заниматься умственным трудом и в США и внесли значительный вклад в социальное и культурное развитие этой страны.

Обосновавшись в США и войдя в структуру американского общества, иммигранты развивались далее социально вместе с ним. Подобно старожилам, которые сами некогда произошли из иммигрантов, они подчас переходили в другие классы и слои. Такие переходы происходили в Америке, как известно, легче, чем в Европе. На подобных изменениях основано распространенное в американской социологической литературе понятие социальной мобильности. Однако следует учитывать, что социальная мобильность происходила в разных направлениях. Если некоторым беднякам и удавалось выбиться в хозяйчики, подрядчики, фермеры, то вместе с тем самостоятельные ремесленники под давлением конкуренции часто превращались в наемных рабочих и т. д. В иммигрантской среде, более или менее однородной при эмиграции, происходила таким путем социальная дифференциация. Выделялась своя буржуазия, большей частью мелкая и средняя, иногда крупная. Поскольку иммигрантская национальная группа сохраняла, в той или иной степени, свою общность в продолжении нескольких поколений, национальная буржуазия, главным образом средняя и мелкая, зачастую действовала внутри этой группы и, кстати, сознательно и подсознательно пыталась сохранить выгодную ей групповую обособленность. Таким образом, ассимилировавшись структурно, в социальном и экономическом отношениях, иммигрантская группа долго остается особой, хотя, как мы увидим далее, и модифицированной, этнической общностью.

В городах Севера жило еще до гражданской войны специфическое этническое меньшинство — негры, разумеется, свободные. Это были главным образом рабочие, причем низкооплачиваемые, домашняя прислуга и т. п., стоявшие в рабочей иерархии примерно на том же уровне, что ирландцы. Разобщенность разных этнических групп трудящегося населения в особенности сказывалась на неграх. Конкуренция, существующая при капитализме между различными группами рабочих, нередко заставляла ирландцев выступать против негров, негров — против ирландцев. Хозяева пользовались такой враждой, играли на ней, разжигали ее. Натравливание одной этнической группы на другую относится к классическим приемам американского капитализма. Рознь существовала и между ирландцами и немцами, и между старожилами и той или иной иммигрантской группой и т. д. При стачках хозяева искали и находили штрейкбрехеров в этнической группе, к которой не принадлежали забастовщики, особенно часто среди только что прибывших иммигрантов, которые совсем не ориентировались в местной обстановке. Редко какая национальная группа не прошла через этот искуc. Правда, бывали случаи, когда забастовщики разъясняли невольным штрейкбрехерам суть дела и те объединялись с ними против хозяев. Во всяком случае, тенденции классовой солидарности между трудящимися разных национальностей были на всех уровнях сильнее, чем тенденции национальной розни, и такое сотрудничество служило важнейшим средством сближения различных этнических групп.

* * *

В южных штатах, где господствовали плантационная система и рабовладение, сложилось население совершенно иного типа. Оно резко делилось по расовому признаку, который в этих условиях почти совпадал с классовым. Одну треть жителей Юга составляли негры, в подавляющем большинстве — рабы. Белое большинство было далеко не однородно. Кроме крупных плантаторов и рабовладельцев помельче, в него входило огромное количество так называемых белых бедняков — фермеров, надсмотрщиков, торговцев и т. д. Положение их Маркс сравнивал с «положением римских плебеев во времена крайнего упадка Рима»¹⁰. Все белое население Юга, даже материально не заинтересованное в рабстве, психологически было отравлено рабовладельческой системой и связанной с ней расовой рознью. Физический труд, особенно «на хозяина», считался чем-то зазорным, подобно делу раба-негра. Не без связи с этим в городах Юга даже до отмены рабства имелся значительный слой квалифицированных ремесленников и рабочих-негров (преимущественно, свободных, отчасти оброчников): белые гнушались такими занятиями. Эта же психологическая атмосфера и, конечно, слабое развитие на Юге промышленности отталкивали от Юга европейских иммигрантов, которые селились там в относительно небольших количествах. Расовый гнет и расовая рознь на Юге, которые уже в те десятилетия идеологи рабства пытались оправдать биологическими и религиозными доводами, были прямым и непосредственным порождением рабовладельческой системы. Однако культурное взаимодействие расовых групп шло полным ходом и при рабстве. Рабы не только восприняли английский язык (создав свой диалект его)¹¹, христианскую религию и т. д. — они оказали большое влияние на белых самобытной музыкой, сказками и т. п. Физическое смешение шло интенсивно, что видно по большому числу мулатов, которые в США как прежде, так и теперь причисляются к неграм.

В последнее пятнадцатилетие перед гражданской войной население США пополнилось жителями захваченных у Мексики обширных областей. Помимо живших там истари индейских племен, это были мексиканцы — испано-индейские метисы и испанцы, то есть новый этнический компонент в составе обитателей США. Но население юго-западных завоеванных областей за короткий срок сильно изменилось вследствие притока новоселов. Особенно это относилось к Калифорнии, которая в 1860 г. была самым этнически пестрым американским штатом.

* * *

То же пятнадцатилетие и годы самой гражданской войны стали переломным для американской нации периодом. В стране завершался промышленный переворот и произошла буржуазно-демократическая революция. Важнейшие перемены наблюдались и в этническом развитии. Процессы, потрясшие Европу в эпоху революций 1848—1849 гг., вытолкнули из нее массы людей. Число иммигрантов в США, неуклонно нараставшее и в предшествующие десятилетия, за 1850—1860 гг. выросло почти вдвое — с 2,2 млн. до 4,1 млн. чел.¹². Это был невиданный рост. Небывалым явилось и то обновление, какому подверг американскую

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 15, стр. 345.

¹¹ См. «Народы Америки», т. I, стр. 474.

¹² «Population of the United States in 1860. Compiled from the original return of the 8-th Census», Washington, 1864, p. XXVIII.

нацию этот приток: вновь прибывшие составили 13—14% населения. Притом пополнение было этнически окрашено определенным образом — большинство составляли две крупные национальные группы, ирландцы и немцы.

Сам ход второй американской революции по-новому сплачивал ее разнородные этнические элементы. Последствия этой революции как непосредственные, так и более отдаленные, оказали серьезное влияние на дальнейшее этническое развитие нации. Оно происходило в условиях консолидации национальной территории, на всем протяжении которой в разных формах широко развивался капитализм, и в промышленности и в сельском хозяйстве.

Северяне проникали на Юг — как фермеры, чиновники, торговцы и т. д. Изменилось положение негритянского населения США. Несмотря на поражение негритянского движения 60—70-х годов, несмотря на преобладание издольщины, на «черные кодексы» и антинегритянский террор, отмена рабства и ликвидация господства плантационной системы изменили взаимоотношения негров и других этнических элементов американского населения. Негры уходили с прежних мест, переезжали они и за пределы Юга, пытались основать там сельскохозяйственные поселения, но главным образом оседали в северных городах. Разумеется, размеры этой миграции несоизмеримы с размерами негритянских миграций XIX в., особенно той, которая происходит в наши дни, но тенденция эта наметилась уже в последние десятилетия XIX в. Негритянские рабочие Севера участвовали в профсоюзном движении, в частности, создавали свои организации. Болезненный вопрос об отношениях между ними и белыми рабочими стоял уже тогда. Отчуждение и рознь тех и других, нередко наблюдавшиеся в это время, составляли одну из величайших слабостей американского рабочего движения. В масштабе всей страны эта слабость во многом обусловила победу реакции на Юге, ее влияние на всю жизнь США, а следовательно, незавершенность буржуазно-демократической революции и живучесть расизма, которые с такой силой сказались на современных событиях в Америке. В рабочем движении эта рознь, не преодоленная в ближайшие к гражданской войне десятилетия, отравляет атмосферу и ныне.

В городах Севера и Запада негритянские переселенцы с Юга составили особую группу, сходную по типу с теми группами, которые образовывали там заокеанские иммигранты. Внутри такой негритянской группы возникали того же типа противоречия и взаимовлияния между старожилыми и новичками. Сама группа вступала с другими этническими группами и с белым населением вообще в отношения, характеризовавшиеся и рознью, и сотрудничеством. Некоторые авторы трактуют городских негров как одну из иммигрантских групп, только прибывшую с Юга¹³. Но составляя, как иммигранты, особую этническую группу, негры, американские старожилы, отличаются от иммигрантов очень многим. Язык и культура не отделяют их от прочего американского населения, но испытываемый ими расовый гнет гораздо сильнее, чем дискриминация, от которой страдают все иммигрантские группы.

Города и до гражданской войны являлись центрами ассимиляции разноязычного и разноплеменного населения. Здесь люди разного этнического происхождения сталкивались повседневно, на работе и в быту — несмотря на национальные кварталы и культурные различия. Самый

¹³ Например, N. Glazer and D. P. Moynihan, *Beyond the melting pot*. Cambridge, Mass., 1963, p. 26.

темп городской жизни способствовал быстрым культурно-бытовым изменениям, даже определенной нивелировке. Известно, что дольше всего сохранялись иммигрантские национальные традиции в сельских местностях — среди немцев, скандинавов и т. д., обрабатывавших землю в замкнутых районах. Правда, все попытки превратить такие районы в центры однонациональных областей — «Новой Германии», «Новой Норвегии» и т. п. — успеха не имели. Национальные сельскохозяйственные районы были островками в море новых поселенцев из самых различных стран, которое разливалось все дальше на запад, заполняя «подвижную границу», тесня индейские племена. Среди американских пионеров было много иммигрантских семей. Особенно привлекали иммигрантов (главным образом немцев, скандинавов, отчасти англичан) западные земли после издания в 1862 г. закона о гомстедах, провозгласившего бесплатное наделение землей. Но и на земле семьи разного национального происхождения чаще всего селились вперемешку.

После гражданской войны урбанизация развернулась в США ускоренными темпами. Количественно выросшая иммиграция в еще большей степени оседала в городах, так как свободные и дешевые земли, где раньше селилась часть иммигрантов, заполнялись очень быстро и в конце XIX в. исчезли совсем. Как и раньше, скоплениями иммигрантов, и временными, и постоянными, служили морские порты. Среди них выделяется прежде всего Нью-Йорк, выросший на международных перевозках, в том числе на доставке людей, многонациональный город, который после гражданской войны увеличивался гигантскими темпами. В то же время рос, как на дрожжах, город другого типа, промышленный гигант Чикаго, который сделался крупнейшимместилищем иммигрантского населения, по своей этнической специфике характерного главным образом уже для нового периода. Постепенно становился Чикаго и негритянским центром, каким он является в наши дни. На Дальнем Западе и в районах Скалистых гор быстро росли фабричные, заводские, горнорудные поселки и города, где находили работу тысячи переселенцев из разных стран. Здесь названы только два самых характерных из десятков и сотен бурно росших американских городов и поселков, где массами селились иммигранты, куда переселялись, изменив свой образ жизни, американские старожилы, где разные этнические группы сложными и противоречивыми способами перерабатывались в новую общность.

* * *

Фаза, в которую вступило после гражданской войны американское рабочее движение, отличалась, прежде всего, ростом профсоюзов. Активное участие в профсоюзном движении и забастовках принимали иммигранты разных периодов, большинство которых, как отмечалось раньше, принадлежало в США к рабочему классу. Борьба эта сплачивала рабочих разного этнического происхождения, классовая солидарность являлась мощным средством структурной ассимиляции, на которой только и могла базироваться ассимиляция культурная. Этот процесс тоже изобиловал противоречиями. В американских профсоюзах и их объединениях имелись, как правило, антииммигрантские течения, порожденные той же боязнью конкуренции, той же идейно-психологической отсталостью, которые нередко заставляли эти организации враждебно относиться к неграм. И у негров, и у иммигрантов возникала, разумеется, ответная вражда.

Были случаи, когда негры и иммигранты объединялись против буржуазной верхушки, стремившейся расколоть их. В многонациональном

Новом Орлеане, например, в 90-х годах негритянские и итальянские рабочие выступали в защиту друг друга, даже устраивали демонстрации солидарности¹⁴. Через противоречия, медленно и трудно прокладывала свой путь солидарность рабочих разных национальностей, что в немалой степени представляет собою заслугу секций Первого Интернационала и других предтеч пролетарской партии в Америке.

В течение 15—20 лет после гражданской войны иммиграция продолжала снабжать население США теми же, в основном, этническими компонентами, что и до войны. Много иммигрантов приезжало из Германии, теперь уже преимущественно из восточной ее части, откуда их вытесняло аграрное перенаселение, вызванное капиталистической перестройкой сельского хозяйства по прусскому пути, как назвал его В. И. Ленин¹⁵. В относительно больших размерах продолжалась иммиграция из Англии¹⁶, состоявшая по-прежнему из квалифицированных рабочих и технических специалистов, отчасти фермеров. Это была индустриальная эмиграция. Подобные черты все более проступали и в эмиграции из Германии, которая быстро превращалась в индустриальную державу — конкурентку Англии. Эмиграция из Ирландии шла в США непрерывно, идет и до сих пор. Ирландская эмиграция более столетия происходит в таких размерах, что представляет собою для Ирландии болезненную проблему на всех уровнях общественной жизни¹⁷.

С 80-х годов этническая картина американской иммиграции быстро меняется. В страну нарастающим темпом вливаются потоки переселенцев из таких стран, откуда до тех пор иммиграция сочилась тоненькой струйкой. Это страны Южной и Восточной Европы, главным образом Италия, Австро-Венгрия и Россия. Иммиграция из этих стран происходила в таких размерах, что переселенцы из других мест становились мало заметны на ее фоне. Достаточно сказать, что в первом десятилетии XX в. выходцы из Южной и Восточной Европы составили 71,9% всех иммигрантов (в 1851—1860 гг. их доля составляла 0,8%)¹⁸.

Эта иммиграция шла из отсталых по тому времени стран, отсталых не только по сравнению с США, но и по сравнению со странами Западной Европы, откуда исходила иммиграция предшествующих периодов. Она была чрезвычайно пестрой этнически: из многонациональных австро-венгерской и российской держав выселялись преимущественно представители угнетенных национальностей, подвергавшиеся притеснениям во всех областях — от экономики до культуры¹⁹. Это были люди, принадлежавшие к разным славянским народам (главным образом поляки), а также евреи, венгры и др. Среди итальянцев больше всего было выходцев из отсталой и нищей Южной Италии. Иммиграцию этого периода принято в американской литературе называть новой.

Против этой «новой» иммиграции в Америке десятилетиями велась упорная кампания. Как раз на рубеже XIX и XX вв. в США развернулось движение за ограничение иммиграции, которое вдохновляли влиятельные круги империалистической буржуазии. Оно опиралось в идеологическом отношении на распространившиеся в тот период расистские течения, главным образом, на англо-саксонский расизм. «Новых» имми-

¹⁴ G. E. Cunningham, *The Italian, a hindrance to white solidarity in Louisiana, 1890—1898*, «The Journal of Negro History», 1965, January, pp. 22—36.

¹⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 15, стр. 226.

¹⁶ R. T. Berthoff, Указ. раб.

¹⁷ См. A. Schrier, *Ireland and the American emigration*, Minneapolis, 1958.

¹⁸ «United States Immigration Commission. Statistical review of immigration, 1819—1910», Washington, 1911, p. 12, table 7.

¹⁹ См. А. Н. Шлепаков, *Иммиграция и американский рабочий класс*. М., 1966, гл. I.

грантов обвиняли во всех смертных грехах: некультурны, сбивают зарплату, преступны, портят «американскую породу», неспособны к ассимиляции и т. д. Им противопоставляли иммигрантов предшествующих десятилетий — «старых» иммигрантов — отыскивая в этих последних одни положительные свойства. Между тем в середине XIX в. «старые» иммигранты подвергались со стороны американских шовинистов той поры гонениям и нападкам, которые в очень многом напоминали антииммигрантские инвективы начала XX в.

Движение против иммиграции получило большую силу и государственную поддержку. Отрицательное отношение к «новым» иммигрантам выразилось в расистском характере иммиграционных законов, принятых в 20-х годах XX в. Противопоставление новых и старых иммигрантов, в чью бы пользу оно ни было направлено, укоренилось в американской публицистике и в научной литературе до последних десятилетий. Проникло оно и в литературу других стран.

Была ли действительно принципиальная разница между «старой» и «новой» иммиграцией? Разумеется, этнически они были различны. К тому же в «новой» иммиграции имелось гораздо больше национальных групп, чем в «старой». Однако и в европейском прошлом той и другой иммиграции и в их первоначальной роли для Америки имелось весьма существенное сходство. Страны Южной и Восточной Европы находились на рубеже XIX—XX вв. приблизительно на том же уровне социально-экономического развития, что области эмиграции середины XIX в. В общих чертах это — отсталые формы капитализма, развитие которого отягощено пережитками предшествующих формаций. В обоих случаях эмигранты выталкивались преимущественно аграрным перенаселением, обусловленным процессами раннего развития капитализма в сельском хозяйстве, а также медленным развитием капиталистических отношений в городах, которое, хотя теснило ремесло и мелкую торговлю, недостаточно быстро развивало промышленность. И «старые» и «новые» иммигранты были в Европе преимущественно крестьянами на разных стадиях разорения, ремесленниками и т. п. Конечно, среди них было немало рабочих — сельских и городских — и встречались интеллигенты. Эмиграция богатых людей составляла и в тот и в другой период нехарактерное явление.

Общественные функции «старых» и «новых» иммигрантов в Америке были также, в основном, одинаковы. Те и другие попадали преимущественно в наемные рабочие и получали в большинстве случаев самую тяжелую и плохо оплачиваемую работу, которой, подобно прежним старожилам, уже предпочитали не заниматься их предшественники при иммиграции. Исключений из этого правила было в начале XX в. гораздо меньше, чем прежде. Таким образом, новые иммигранты вновь занимали низшие ступени американской общественной лестницы.

Следовательно, оснований для противопоставления «старой» и «новой» иммиграции в социально-экономическом отношении нет. Однако дальше начинаются различия, которые позволяют делать сопоставления и сравнения, но не констатировать принципиальную разницу.

Если европейские эмигранты конца XIX в. имели тот же, примерно, социальный характер, что эмигранты середины XIX в., то приезжали они уже в иную Америку. Из страны, в которой только завершался промышленный переворот, она стала страной созревающего монополистического капитализма со всеми вытекающими отсюда для общественной и культурной жизни последствиями. Таким образом, разрыв в стадиях социального развития страны эмиграции и США, который приходилось преодолевать «новым» иммигрантам, оказывался больше, а

психологическое приспособление к новой среде, реориентация — сложное.

Гонители «новых» иммигрантов приписывали им неспособность к ассимиляции. Западноевропейские иммигранты прижились, мол, в Америке, а выходцы из Восточной и Южной Европы к этому органически, будто бы, неспособны. Вряд ли стоит в наше время опровергать расистский тезис о прирожденной неспособности каких бы то ни было этнических групп к тому или другому типу культурного и общественно-го развития. Подобные положения отвергнуты современной наукой. Но попытаемся разобраться, почему в начале XX в. иммигранты из Восточной и Южной Европы оказались менее американизированными (а это действительно было так), чем иммигранты из Западной Европы.

Первая и очевиднейшая причина заключается в том, что эти группы пробыли в Америке меньшее время. Если основная масса немцев, ирландцев и других к XX в. прожила уже около 50 лет в Америке и состояла преимущественно из иммигрантов второго, а то и третьего поколения, то переселенцы из Южной и Восточной Европы прибыли в Америку недавно, даже иммигрантов второго поколения среди них было относительно немного. Они просто не успели перестроиться и приспособиться к новой обстановке. Однако дело не только в этом. Качественные различия в процессе ассимиляции различных национальных групп и известная его неравномерность наблюдались и прежде, на протяжении всего XIX в.

* * *

Что же способствует ассимиляции и что ей препятствует?

Казалось бы, наибольшим препятствием для ассимиляции должна являться разность языков и, наоборот, общность языка облегчает ассимиляцию. До известной степени это действительно так. Однако крупнейшая англоязычная иммигрантская группа, ирландцы, долгое время отличалась, даже среди других иммигрантских групп, своей обособленностью и тяготением к европейской родине. Американские шовинисты той поры рьяно травили «проклятых кельтов», обвиняя их в «клановости». Таким образом, общность языка еще не обеспечивает сама по себе сближения этнического меньшинства с большинством нации. Это видно и на примере такой своеобразной этнической группы, как американские негры, хотя в данном случае дело осложняется рядом других факторов, в число которых входят цвет кожи, рабское прошлое и т. д.

Исторический опыт тех же двух, да и всех других этнических групп указывает на фактор, который более всех других препятствует национальному сближению. Это — отрицательное отношение, которое этническое меньшинство встречает со стороны этнического большинства и которое чаще всего называют национальной дискриминацией. Охватывая все области жизни, от политической до бытовой, такая дискриминация отравляет отношения внутри нации и вызывает среди угнетаемого меньшинства защитную реакцию обособления и группового сплочения. Этническая дискриминация имеет классовую окраску, и разные этнические группы испытывают ее в разной мере. Большинство иммигрантских групп, как говорилось выше, занимало, особенно в первом поколении, низшие ступени общественной лестницы, и за это было презираемо буржуазным общественным мнением Америки. Социальные характеристики вплетались в этнический стереотип и во многом его обуславливали. Так обстояло дело с ирландцами, самой низкой в общественном отношении и самой гонимой иммигрантской группой середины XIX в., так

обстояло дело в начале XX в. с итальянцами и другими «новыми» иммигрантами, так обстоит дело теперь с пуэрториканцами и мексиканцами. Об этом же свидетельствует пример негров. Но англичане пользовались в США уважением и терпимостью — не столько из-за общности языка и культурных корней, сколько из-за своего более высокого общественного положения в Америке. Квалифицированные рабочие, мастера, инженеры и техники, фермеры — они выглядели гораздо более респектабельно в глазах буржуазного американского общества. Это же, хотя и в несколько меньшей степени, относится к немцам и к выходцам из Скандинавских стран, среди которых было относительно больше фермеров, квалифицированных специалистов, интеллигентов, чем среди тех же ирландцев, итальянцев и т. д. Более терпимое отношение к перечисленным выше национальностям получило в конце XIX в. идеологическое оправдание в англосаксонских и тевтонских расистских теориях и тесно с этими теориями переплелось.

Таким образом, главные препятствия к ассимиляции исходят со стороны принимающего большинства. Но препятствия имеются и в самом положении иммигрантского меньшинства. Каждая иммигрантская группа стремится, как бы по инерции, сохранить свою национальную самобытность, свои культурные, бытовые, религиозные особенности, иммигранты обычно ищут общества земляков. Более того — самое положение чужаков в новой стране обостряет привязанность к родине. Характер и интенсивность этих этноцентристских тенденций меняются в зависимости от общей исторической обстановки и от национального своеобразия каждой группы. Так, в конце XIX — начале XX вв. ассимиляция восточно- и южноевропейских групп замедлялась притоком новых масс иммигрантов той же национальности, который бурно и непрерывно нарастал до первой мировой войны. Новички приносили с собою свежий запас традиций европейской родины, укрепляли связь с ней, мешали своим предшественникам укорениться в новой стране. Подобное явление, только в значительно меньших масштабах, происходило и в середине XIX в. К тому времени в США существовала в большой степени ассимилированная немецкая группа, но волна новых немецких иммигрантов, хлынувших в Америку после революции 1848 г., буквально затопил прежнюю немецкую группу, воскрешая и для нее — на новом уровне — проблемы ассимиляции.

При средствах сообщения, имевшихся в начале XX в., при возросшей, даже в отсталых европейских странах, грамотности, американские иммигранты вели интенсивную переписку с родиной. Эта переписка, служившая важным средством привлечения в Америку новых переселенцев, в то же время укрепляла привязанность иммигрантов к родному краю. Усовершенствование транспортных средств позволило также сильно увеличить реэмиграцию, обусловленную расширением международного рынка рабочей силы. Переселенец, собиравшийся через год-другой вернуться на родину, естественно, не очень старался приспособиться к американской обстановке и распространял подобное настроение в среде земляков.

Важнейшую роль играл возросший, как отмечалось выше, разрыв в уровне исторического развития, общественного и культурного, между странами эмиграции и принимающей страной. Он-то и делал хорвата или сицилийца начала XX в. относительно более «чужим» в Америке, чем ирландца середины XIX в., и затруднял для них процесс вживания в американское общество. И, наконец, чрезвычайно существенна степень зрелости принимающей нации. По условиям эпохи гражданской войны, иммиграция середины XIX в. имела для нации США такое струк-

турное значение, какого вообще не могли иметь позднейшие переселенцы, встретившие в Америке нацию, гораздо более консолидированную.

Для процесса ассимиляции большое значение имело само существование иммигрантской национальной группы как целого. Обособляя и сплачивая иммигрантов из одной страны в целях сохранения их национального характера, иммигрантская группа в то же время служила средостением между этим этническим меньшинством и всем американским обществом, перекидывала между ними мост. Как и все формы национального развития иммигрантов в Америке, национальная группа имела двойственный, внутренне противоречивый характер. Дело в том, что ассимиляция была преобладающим началом этого развития. Она брала верх во всех процессах взаимодействия между иммигрантами и старожилами, изменяя не только первых, но и вторых. Очень большую роль как в этом взаимодействии, так и в темпах и особенностях ассимиляционного процесса играло национальное своеобразие каждой группы.

К наиболее своеобразным иммигрантским группам относились японцы и китайцы, селившиеся главным образом на Тихоокеанском побережье. Это малочисленные группы. Малочисленность их объяснялась исключительно вводившимися в США специальными ограничениями и запретами на въезд выходцев из Азии. Японцы и китайцы десятилетиями подвергались такой дискриминации, таким преследованиям, каких не знали другие иммигранты. В результате всего этого обособленность японской и китайской групп сохранилась в большой степени. Искусственные меры, пресекавшие иммиграцию в США из Азии, оказали большое влияние на состав американского населения. Если бы не эти меры, в США образовался бы, по всей вероятности, весьма значительный этнический компонент азиатского происхождения²⁰. Ведь на Гавайских островах, входящих ныне в США, большую часть населения составляют переселенцы из Японии и Китая и их потомки.

Хотя иммиграция из Европы до 20-х годов XX в. не подвергалась почти никакому регулированию, в отличие от азиатской, американская государственная политика сыграла немаловажную роль и в ее судьбе. В ряде иммигрантских групп вынашивались проекты создать в США свое национальное государство — Новую Ирландию, Новую Германию и т. д., для чего, в первую очередь, требовались большие земельные массивы. Правительство всегда встречало такие проекты отрицательно. Если в США при массовой и относительно одновременной иммиграции определенных национальностей не возникло многонациональное государство, то в некоторой мере это объясняется сознательной государственной политикой. Эта политика опиралась на очень мощные объективные основания. Прежде всего иммиграция, как отмечалось выше, носила, главным образом, индустриальный характер, иммигранты селились преимущественно в городах. Заселение целых сельскохозяйственных районов людьми одной национальности бывало лишь частным случаем. Такой случай представляли собой пенсильванские немцы, иммигранты колониального еще периода, занимавшие сплошной район, столетиями сохранявшие на своих фермах обычаи родины и даже создавшие своеобразный язык. Шведские и норвежские традиции устойчиво сохранялись в Миннесоте, многие районы которой заселялись во второй половине XIX в. сплошь выходцами из Скандинавии. Но свободные земли, куда они имелись в США, стихийно и очень быстро занимались людьми

²⁰ Речь, разумеется, идет не о коренном населении Америки, которое тоже имеет, в конечном счете, азиатское происхождение.

ми различных национальностей, в том числе коренными американцами (последние обычно и распахивали целину). На этих новых землях перемешивались разные элементы старожильского и нового американского населения, которые заполняли и возникавшие там новые города.

Развитие этнически пестрой нации, основы которой были заложены еще в колониальный период, продолжалось и в XIX и в XX в. Американская нация, консолидировавшаяся на основе развивающегося капитализма, переваривала вливавшиеся в нее новые элементы посредством структурной, а также культурной ассимиляции и физического смешения. Этот сложный процесс тормозился национальной дискриминацией, которая стала характерной чертой американской жизни.

SUMMARY

Some ethnic development problems of the American nation during the 19-th century are dealt with in this article. A breakdown of the ethnic composition of the population of the North and the South before the Civil War is attempted, with special emphasis upon the mid-19-th century mass immigration. After the Civil War the interaction of the ethnic elements of the American population underwent changes. During the last decades of the century new ethnic elements were introduced by new waves of immigration. The basic functional similarity of this «new» immigration and the «old» one is pointed out as well as important differences between them. These differences are presumed to be caused by the increased distance between the stages of historic development of the countries of emigration and the receiving country. Of course ethnic peculiarities are important. Some conditions accelerating or retarding assimilation are pointed out, the attitude of the receiving population being considered as the principal one. Structural assimilation, viewed as the incorporation of immigrants into the economic and social texture of the receiving country, is considered to be the basic type of assimilation. A suggestion is offered to explain why the U. S. A. with their multi-ethnic population have not become a multinational state.
